

С другой стороны, Юй Цю три дня просидел в засаде в горных расщелинах, прежде чем дождался дядюшку и его спутников.

— Ну сколько еще можно ехать! — возмущался он, ведь бесконечная тряска в телеге была невыносимой.

— Скоро будем, — отозвался старик, ведя за собой вола. Позади, на деревянной платформе, были навалены вещи и сидели люди. — Дальше только на лодке через реку. Можно, конечно, и пешком по горной тропе, но это крюк на несколько дней, через перевалы скакать — ноги отвалятся.

Как старик и обещал, вскоре показалась река. Она была длинной, но, сколько ни всматривайся, на берегу виднелись всего две лодки. У Се взглянул на часы — два часа дня, надо поторапливаться, иначе до темноты не успеть.

— Дед, когда отплываем? — спросил У Се.

— Это уж как лодочник решит, — ответил старик.

У Саньсин подошел ближе, услышал это и добавил:

— В каком смысле?

— Вон, видишь лодочника? — старик указал направление. Там действительно сидел человек с курительной трубкой, но кожа его была неестественно, пугающе бледной.

— Здесь только один лодочник? — У Се осмотрелся, но никого другого не увидел.

Старик постучал трубкой по ладони:

— Только он. Когда захочет, тогда и поплывет, ничего не попишешь.

— Почему нельзя нанять кого-то еще? Обязательно только он? — У Саньсин не сводил глаз с лодочника, и чем дольше смотрел, тем сильнее крепло предчувствие, что здесь что-то не так.

— Нельзя, — старик замахал руками. — Только он может пройти, другие — нет. Этот грот был здесь всегда, сколько стоит деревня. Сначала никто не знал, что он сквозной, пока однажды кто-то не проплыл через него на лодке. А потом, словно грот начал выбирать людей, только лодочник из той семьи может провести через него путников. Остальные — ни с чем возвращаются. В деревне поговаривают, что он в змея-оборотня превратился. Видали, как он выглядит?

В этот момент из реки выбралась местная дворняга. Услышав кличку Лю Даньдань, пес завилял хвостом и закрутился вокруг старика.

— Эта собака тоже может пройти через грот, как и лодочник?

— Это его пес. Пойду спрошу для вас.

Старик подошел к лодочнику и завел разговор, а собака увязалась следом. У Саньсин, подражая старику, позвал:

— Лю Даньдань, иди сюда!

Пес послушно подбежал. У Саньсин понюхал воздух и изменился в лице. Паныцзы, наблюдавший за ним, тоже подошел, принялся — и его лицо исказилось от отвращения. У Се хотел было последовать их примеру, но, стоило ему двинуться, как Сяо-гэ потянул его за шиворот назад.

У Се вопросительно посмотрел на него.

— Эта собака питается человечинной, — тихо сказал Сяо-гэ. — Будьте осторожны на пути.

Услышав это, У Се побледнел — он всё еще оставался простым городским парнем, далеким от подобных ужасов.

Старик, поговорив с лодочником, вернулся к ним и сообщил:

— Сегодня переправиться вряд ли получится.

— Почему? — удивился У Се. — Всё же нормально, лодки на месте.

— Если дело в деньгах, мы доплатим, но переправиться нужно сегодня же!

— Эх, скажу как есть: лодку уже несколько дней арендует один человек. Он сказал, что сегодня пойдет через грот. Я думал, он уже прошел, а оказывается, нет. Если торопитесь, можете договориться с ним. О, а вот и он.

Все проследили за взглядом старика. К ним приближался знакомый силуэт: за спиной планшет для рисования, на нем бело-голубая полосатая рубашка, белые брюки. Но больше всего внимание привлекали его выразительные миндалевидные глаза.

— Цюцю!

— Племянничек!

— Маленький второй господин!

— ...

— Троечка, братец, — наконец-то я вас дождался! — Юй Цю ждал их уже три дня, и если бы они не приехали, он бы сам отправился искать гробницу.

— Ты же в отпуске, как тебя сюда занесло? — спросил У Саньсин.

Юй Цю невозмутимо ответил:

— Разве здесь не прекрасные пейзажи?

У Саньсин промолчал. Действительно, если не считать гробницы, место для рисования было отменное.

— Братец, смотри, сколько я пейзажей написал! — Юй Цю достал из рюкзака листы бумаги. Все потянулись посмотреть: картины казались живыми, особенно та, где был изображен утренний туман, скрывающий лес, и птицы, пролетающие сквозь горные расщелины. Это было захватывающе.

Сяо-гэ не отрывал взгляда от рисунков, словно они обладали какой-то магической силой.

— Твое мастерство растет, — У Саньсин не ожидал встретить его здесь. Он планировал втянуть в это дело У Се, но племянника — ни в коем случае. Если второй брат узнает, с него живьем шкуру спустит. А про бабушку и говорить нечего — она трясется над ним, как над зеницей ока. Если она узнает, выйдет ли он из родового храма целым?

У Се изучал архитектуру, а Юй Цю — живопись. Он был знаменитым художником, его картины стоили десятки тысяч, а некоторые коллекционеры были готовы отдать целое состояние за одну работу. Поэтому в семье У все знали: самый бедный здесь — У Се. К тому же У Эрбай ежемесячно присылал Юй Цю деньги на карманные расходы, так что путешествия для него были сущим пустяком.

— Племянничек, у меня к тебе дело... — У Саньсин состроил хитрую мину. Юй Цю только закатил глаза — дядюшка явно хочет проверить очередную аферу.

— Говори уже, Троечка.

— Понимаешь, места, куда я направляюсь, не для тебя. Возвращайся-ка ты домой, а как я вернусь, свожу тебя в Лоувайлоу на обед. Будь паинькой.

Юй Цю подумал: я так и знал.

У Се пробормотал:

— Троечка, ты сейчас как торговец людьми.

Остальные промолчали.

— Троечка, идите-ка вы лучше пешком, — сказал Юй Цю, быстро запрыгнул в лодку и крикнул медленно приближающемуся лодочнику: — Поплыли!

У Саньсин:!

— Нет-нет, всё можно обсудить! — он бросился к лодке, пытаясь остановить его. У Се тоже побежал следом, намереваясь отговорить брата — гробница не лучшее место для прогулок, пусть даже он сам был новичком в этом деле.

У Се увидел, что молчаливый Сяо-гэ тоже шагнул на борт, и подумал, что тот тоже хочет вмешаться. Но, к его удивлению, Сяо-гэ просто сел рядом с Юй Цю.

У Се: А!

Видя, что Сяо-гэ уже устроился, У Се виновато посмотрел на дядю:

— Прости, Троечка, я еще слишком молод, много ходить не могу. Пусть Паньцзы и Дакуй идут с тобой.

У Саньсин сжал зубы: вот же любящий племянничек.

— Ладно, пусть садится, — в конце концов согласился он. Если не разрешить, племянник уйдет, и весь план пойдет прахом.

Получив желаемое, Юй Цю беззаботно махнул рукой, разрешая дядюшке подняться на борт. Паньцзы и Дакуй, забравшись в лодку, облегченно выдохнули — не придется тащиться по горам.

— Поплыли, лодочник.

Старик и лодочник оттолкнулись от берега, и две лодки двинулись к Труповому гроту. По мере приближения своды становились всё ниже, выпрямиться было невозможно. Всем пришлось пригнуться. Сяо-гэ лежал на носу лодки, Юй Цю понял, что места там больше нет, и попытался устроиться сбоку, но Сяо-гэ, заметив, что тому неудобно, протянул руку и притянул его к себе, укладывая в свои объятия.

<http://bllate.org/book/20814/2092956>